

ГОРНО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В 1930–1960-е гг.: «ДАЛЬСТРОВСКАЯ» И «СОВНАРХОЗНАЯ» МОДЕЛИ

Анализируются две модели горно-промышленного освоения, реализованные государством на Северо-Востоке России в 1930–1960-х гг. «Дальстровская» модель освоения носила чрезвычайный характер, «совнархозная» – более сбалансированный; определены существенные характеристики, сильные и слабые стороны обеих моделей.

Ключевые слова: золотодобывающая промышленность; Дальстрой; Магаданский совнархоз.

Устойчивое развитие государства во многом обуславливается его ресурсным потенциалом, особенно это характерно для современного этапа исторического развития. Основные запасы минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации находятся на территории северных регионов. С преодолением современных кризисных явлений в отечественной и мировой экономике перед государством неизбежно встанет вопрос об активизации усилий по освоению полезных ископаемых отдаленных северных регионов.

В этой связи представляется актуальным обратиться к историческому опыту горно-промышленного освоения Северо-Востока России в 1930–1960-х гг., где были последовательно реализованы «дальстровская» (в 1932–1957 гг.) и пришедшая ей на смену более сбалансированная и социально ориентированная «совнархозная» (в 1957–1965 гг.) модели горно-промышленного освоения региона. Различные стороны «дальстровской», или чрезвычайной, модели изучены в монографиях А.И. Широкова [1], И.Д. Бацаева [2], А.Н. Пилясова [3], «совнархозная» модель не получила должной степени освещения.

В своем развитии «дальстровская» модель прошла три основных периода. Первый, или предвоенный, период – 1932–1941 гг. – характеризуется складыванием организационной структуры Дальстроя, интеграцией лагерных подразделений в деятельность его хозяйственных подразделений, золотодобывающая промышленность становится основным звеном производственной инфраструктуры региона. Горные, дорожные, строительные и другие виды работ проводились преимущественно вручную, основной рабочей силой являлись заключенные. На добыче золота удельный вес заключенных в 1934–1940 гг. в среднем составлял 91% от общего количества рабочих. В 1938–1939 гг. феномен «штурмовщины» на Северо-Востоке был реализован в наиболее полном виде. Начальник Дальстроя К.А. Павлов фактически перевел организацию на полувоенный режим деятельности. Все основные вопросы управления горнодобывающей промышленностью регулировались посредством оперативных приказов. Горно-промышленным управлениям по всем видам горных и горно-подготовительных работ устанавливались объемы и обязательные сроки выполнения, при отставании от утвержденного графика выполнения плана вводились декадни и месячники ударной работы. Все требования и указания, изложенные в оперативных приказах, были обязательны к исполнению. Невыполнение приказа влекло за собой серьезные санкции: несколько суток ареста, снятие с работы, уголовное преследование и др. Отказ заключенных выходить на работу, намеренное членовредительство и тому

подобные происшествия квалифицировались как контрреволюционный саботаж. В отношении «наиболее злостных саботажников» в 1938–1939 гг. применялся расстрел [4. С. 81–121].

На прииски из г. Магадана, управлений автотранспорта, дорожного строительства и других подразделений на время промывочного сезона командировались сотни вольнонаемных работников, тысячи заключенных перебрасывались на прииски, не выполнявшие плана добычи золота. Высшей точкой эксплуатации заключенных стало разрешение начальникам приисков задерживать их на производстве до 16 ч в сутки. Эти дополнительные (от 11-часового рабочего дня) 5 ч оплачивались «путем вознаграждения», по нормам выработки выдавалось добавочное питание, однако такие ежедневные физические нагрузки серьезно подрывали здоровье и неизбежно вели к повышенной смертности людей на приисках. Социальная инфраструктура финансировалась в самых минимальных объемах. Жилье строилось временного типа и через несколько лет приходило в негодность, в суровых природно-климатических условиях даже вольнонаемные работники в приисковых районах проживали в палатках и землянках.

В 1940 г. Дальстрой добыл рекордное за свою историю количество золота – 80 т, удельный вес золота Дальстроя составил 46,3% от общесоюзной золотодобычи в этом году. Колыма уверенно вошла в число крупнейших золотодобывающих районов не только СССР, но и мира. В целом за 1932–1940 гг. Дальстрой добыл 314,2 т золота в пересчете на химически чистый металл. С 1937 г. в промышленных масштабах началась добыча олова в концентрате, всего за 1937–1940 гг. было извлечено 2,64 тыс. т олова [5. С. 100–101]. В соответствии с особым указанием НВКД СССР осуществлять выплавку олова на Колыме запрещалось. Статус Северо-Востока как сырьевого придатка более развитых в промышленном отношении регионов страны, сложившийся уже в предвоенный период, в дальнейшем так и не был скорректирован.

В течение второго, или военного, периода (1941–1944 гг.) «чрезвычайная модель» позволила поддерживать высокие объемы золотодобычи. Снабжение Дальстроя с «материка» необходимыми ресурсами и материалами резко сократилось. Тем не менее были открыты новые россыпные и рудные месторождения золота (Тенькинский район). На горных объектах отрабатывались преимущественно самые богатые металлом участки, что впоследствии привело к серьезным производственным проблемам и снижению объемов добычи. Малоэффективные прииски и разведки закрывались или консервировались. Освобождавшиеся заключенные задерживались на территории Северо-Востока до окон-

чания войны и привлекались к работам на приисках по вольному найму. В военный период Дальстрой вносил решающий вклад в добычу золота в СССР. Эти годы отличались массовым трудовым подъемом, общим стремлением и вольнонаемных и заключенных работников внести трудовой вклад в победу. В эти годы широко распространилось движение «двухсотников», т.е. рабочих, которые выполняли свои трудовые нормы на 200% и более. В США по ленд-лизу в значительных объемах были закуплены землеройная техника, горное и электротехническое оборудование, большегрузные автомобили и драги, что способствовало техническому переоснащению горных предприятий. За 1941–1944 гг. Дальстроем было добыто 290,7 т золота, 14,4 тыс. т олова в концентрате и 280 т триоксида вольфрама [5. С. 140].

Третий период – 1945–1957 гг. – охарактеризовался общим кризисом чрезвычайной модели освоения, истощением ее мобилизационного потенциала, существенным падением объемов добычи золота. Основные россыпные месторождения Дальстроя истощались, геологоразведка отставала в обеспечении горнодобывающей промышленности новыми запасами металлов. В этой связи в Дальстрой в больших объемах завозилась импортная и отечественная землеройная техника, значительно повысился уровень механизации, однако основной рабочей силой оставались заключенные. Производительность труда на горных работах по-прежнему оставалась низкой. На рубеже 1940–1950-х гг. была предпринята попытка возродить старательскую золотодобычу, но вскоре по указанию из Москвы она была свернута. Более успешным стало использование на золотоносных россыпях Северо-Востока драг. С 1950 г. дражная добыча золота началась в промышленных масштабах. Объемы дражной золотодобычи, несмотря на значительные трудности, связанные с вечной мерзлотой, ежегодно увеличивались, и в 1956 г. драгами было добыто 10,2% всего золота Дальстроя. В этот период увеличился ассортимент извлекаемых металлов: кроме золота и олова добывались кобальт, вольфрам, уран. Всего за 1945–1956 гг. в Дальстрое было добыто 582,3 т золота, 48,3 тыс. т олова, 2,6 тыс. т триоксида вольфрама, 398,2 т кобальта и около 150 т уранового концентрата [5. С. 268].

Изменения в общественной жизни страны, последовавшие после смерти И.В. Сталина, неизбежно затронули и Дальстрой. В 1953 г. постановлением Совета Министров СССР от 18 марта Дальстрой из МВД был передан Министерству металлургической промышленности, а с февраля 1954 г. – в состав Министерства цветной металлургии СССР. Из непосредственного ведения Дальстроя в 1953 г. были изъяты исправительно-трудовые лагеря. С образованием в декабре 1953 г. Магаданской области и усилением партийно-государственных органов Дальстрой начал терять свои чрезвычайные полномочия, ранее делегированные ему государством. Основные властные рычаги управления регионом переходили к Магаданскому обкому КПСС.

С началом массовой амнистии заключенных и нехваткой рабочих рук структурный кризис золотодобывающей промышленности обострился, объемы добычи золота снижались. Дальстрой с большими усилиями, но

целенаправленно переходил к преимущественному использованию труда вольнонаемных работников. Однако привлечение новых трудовых ресурсов серьезно осложнялось неразвитой социальной инфраструктурой, нехваткой благоустроенного жилья.

В 1957 г. в СССР началась реформа управления народным хозяйством. На Северо-Востоке РСФСР были образованы Якутский, Магаданский и Камчатский совнархозы. Магаданский совнархоз был создан на базе Дальстроя. Закономерным стало утверждение Советом Министров РСФСР в должности председателя Магаданского совнархоза последнего начальника Дальстроя Ю.В. Чугуева. Во главе отраслевых и функциональных управлений совнархоза, промышленных предприятий и других подразделений остались руководящие кадры, длительное время работавшие в Дальстрое. В большинстве своем это были энергичные, высококвалифицированные специалисты.

В организационной структуре совнархоза горно-промышленные управления первоначально были упразднены. Все прииски и рудники вошли в состав вновь образованного Горного управления совнархоза, только на Чукотке осталось отдаленное Чаун-Чукотское горно-промышленное управление, непосредственно подчиненное совнархозу. Однако уже в январе 1960 г. Горное управление было ликвидировано и Магаданский совнархоз вернулся к территориально-производственному принципу организации горной промышленности, характерного для «дальстроевской» модели. Горно-промышленные управления были восстановлены в своих границах и полномочиях.

В 1957–1959 гг. Магаданский совнархоз продолжал в небольших масштабах использовать труд заключенных на горных работах. На добыче золота это были прииски им. Горького, им. 40 лет Октября, «Штурмовой», «Широкий», «Чай-Урья», а также на оловодобывающих объектах – рудник «Галимый» Омсукчанского района и рудник «Иультин» на Чукотке [6. Ф. Р-137. Оп. 16. Д. 1. Л. 14–15]. Однако директора предприятий, управлений и руководство самого совнархоза стремились как можно скорее перевести предприятия на труд вольнонаемных работников. Руководство Управления исправительно-трудовых колоний УВД Магаданского облисполкома, наоборот, настаивало на обеспечении полной трудовой занятости своих подопечных и упрекало совнархоз в отказе от труда заключенных. В итоге острых дискуссий своим совместным постановлением бюро Магаданского обкома КПСС и исполнительный комитет Магаданского областного Совета депутатов трудящихся от 26 ноября 1958 г. постановили считать нерациональным дальнейшее трудовое использование заключенных на горных работах, связанных с добычей золота [7. Ф. 21. Оп. 5. Д. 143. Л. 128–130]. Действительно, 1959 г. стал последним годом использования труда заключенных на добыче золота и олова.

В конце 1950-х гг. началась эпоха Золотой Чукотки. Чукотское золото позволило не только остановить падение, но и существенно увеличить добычу этого металла на Северо-Востоке. В 1958 г. горный участок «Ичувеем» добыл 2410 кг. С 1959 г. прииск «Комсомольский», так переименовали «Ичувеем» в честь активного участия в строительстве предприятия комсо-

мольцев и молодежи, стал лидирующим прииском Магаданской области. На базе Каральваамского месторождения с 1958 г. начал свою работу прииск им. Билибина. Высокими темпами добыча золота развивалась и в последующие годы.

В совнархозный период работа золотодобывающих предприятий велась более ритмично, без частных авралов и чрезвычайщины. Мобилизационные методы, сохраняя свое значение (социалистические соревнования, борьба за получение звания бригад коммунистического труда и др.), более широко дополнялись методами материального стимулирования. Магаданский совнархоз более последовательно и масштабно, чем это было в Дальстрое, осуществлял внедрение новой техники и технологий на золотодобыче. Деревянные промывочные приборы были заменены более совершенными и производительными металлическими приборами. На открытых горных работах появились более мощные бульдозеры, экскаваторы, скреперы, передвижные бурильные установки. В начале 1960-х гг. по инициативе директора прииска «Широкий» Д.Н. Шевцова, ранее работавшего в тресте «Амурзолото», на Колыме и Чукотке, стали внедряться гидроэлеваторные промывочные приборы, позволявшие промывать 800–1000 м³ песков в сутки. Вскоре многие операции на горно-подготовительных, открытых и подземных работах были механизированы на 100%.

Для повышения извлечения золота на промприборах и драгах устанавливались отсадочные машины и самородкоуловители более совершенных конструкций. Дразную промывку золота удалось начать и за Полярным кругом. Летом 1962 г. на прииске им. Алискерова была введена в эксплуатацию первая драга на Чукотке. Большую роль в изобретении и внедрении новой техники сыграло Центральное конструкторское бюро совнархоза во главе с известным изобретателем Е.И. Богдановым.

Значительные усилия Магаданский совнархоз направлял на борьбу с силикозом, на улучшение условий труда. Горняки ежегодно проходили медицинский осмотр с рентгеноскопией, вновь выявленных больных переводили с подземных работ на поверхность. Значительные средства были вложены в организацию искусственной вентиляции на горных объектах, в промышленную санитарию, активно велась борьба за соблюдение техники безопасности и правил технической эксплуатации. В свое время определенные меры по борьбе с производственным травматизмом принимались и в Дальстрое, но борьба с запыленностью в забоях и возникающим как следствие этого силикозом никакого внимания не уделялось. Данная проблема, как представляется, была обусловлена тяжелым наследием штрафной колонизации. Очевидно, что это наряду с другими факторами удешевляло себестоимость колымского золота. Кроме того, многие рудники и фабрики (и золотодобывающие, и оловодобывающие) вводились в строй в годы войны или первые послевоенные годы, когда при ограниченных финансовых и материально-технических ресурсах экономили на многом.

В совнархозе удалось органично соединить научную мысль, инженерно-конструкторские разработки с непосредственной практикой золотодобывных работ. Наиболее ярко это проявилось в организации в 1960 г.

прииска «Экспериментальный» как опытной площадки Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов (ВНИИ-1) Магаданского совнархоза для проведения испытаний новой техники и технологий на горных работах. Это был достаточно новаторский проект для страны в целом, важное значение имеет данный опыт и для современной России при общепризнанном значении инноваций для экономики.

В совнархозный период удалось возродить старательскую добычу золота. Еще в августе 1956 г. бюро Магаданского обкома КПСС своим постановлением обязало Дальстрой приступить к организации старательских работ. Однако первые артели с избранным правлением и председателем, утвержденным уставом, устойчивым кадровым ядром стали формироваться только в 1957 г. Старателям отдавались ранее отработанные или нерентабельные для государственного способа добычи месторождения. Разворот этого вида работ сдерживался недоверием многих партийных и хозяйственных руководителей к старателям, подозрениями в возможных хищениях. Работа компетентных органов отчасти это подтверждала, но хищения золота были и на государственных предприятиях. Несмотря на трудности старательская золотодобыча расширялась, так 1960 г. в Магаданском совнархозе насчитывалось свыше 5670 старателей, из них 1300 были объединены в 47 артелях, в артелях использовалось 90 бульдозеров, 44 металлических промприбора и другое горное оборудование.

Для Магаданского совнархоза важное значение имела экономическая целесообразность организации и ведения золотодобычи, которая напрямую зависела от себестоимости добываемого металла. В эпоху Дальстроя действовал принцип «больше золота любой ценой», не считаясь с материальными и людскими затратами. Руководство совнархоза при наличии значительных убытках от промышленной деятельности золотодобывающих объектов не останавливалось перед их консервацией или реорганизацией в горно-эксплуатационные участки. Наличие сверхплановых убытков даже при перевыполнении плана золотодобычи обязательно вызывало критику в адрес хозяйственных руководителей. Уровень затрат золотодобывающих предприятий Магаданской области на 1 рубль произведенной товарной продукции по калькуляции, принятой для своего времени, в 2–2,5 раза превышал стоимость добытого металла [7. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 783. Л. 211, 240, 247]. Из всех отраслей народного хозяйства региона золотодобывающая была самой важной, но одновременно и самой затратной.

На систему управления золотодобывающей промышленностью Магаданского совнархоза, в отличие от Дальстроя, определяющее влияние оказывали органы КПСС, особенно бюро Магаданского областного комитета КПСС. В Дальстрое в силу чрезвычайного режима его деятельности и по личному указанию И.В. Сталина партийные органы играли второстепенную роль. В целом за 1957–1962 гг. включительно Магаданским совнархозом на территории Колымы и Чукотки было добыто 239,2 т золота, что может быть признано весьма успешным результатом. [8. С. 139–153].

Таким образом, основными характерными чертами «дальстроевской» или «чрезвычайной» модели горно-

промышленного освоения стали: экстраординарные полномочия на подведомственной территории; интегральный характер деятельности, охватывающий все сферы общественной жизни региона; значительные масштабы государственного финансирования; преимущественно хищническая отработка месторождений; складывание моноотраслевой специализации; широко-масштабное использование принудительного труда неквалифицированной массы заключенных; резкое преобладание принудительных методов побуждения к труду и «штурмовщина»; жесткая система наказаний за невыполнение планов; минимизация затрат на социальную инфраструктуру, технику безопасности и промышленную санитарию; развитая система северных льгот для привлечения вольнонаемных работников; негативные экологические последствия.

Сильными сторонами «дальстроевской» модели были: быстрая по времени отдача в виде ценных минеральных ресурсов; полный контроль государства (Центра) над добытым золотом и другими металлами; возможность мобилизовать работников на перевыполнение установленных планов; сохранение устойчивости в чрезвычайных условиях военного времени. Слабые стороны – несбалансированная экономическая структура региона с моноотраслевым перекосом; затрудненное внедрение инноваций в производство; невостребованность творческого потенциала изобретателей; высокая смертность и травматизм на производстве; большая текучесть кадров; незаинтересованность заключенных работников в результатах труда; отсутствие учета интересов коренного населения; резкий дисбаланс демографической структуры населения. Необходимо особо подчеркнуть, что несмотря на сильные стороны «дальстроевской» модели, использование массовых репрессий и рабского труда заключенных для достижения важных экономических результатов не должно повториться.

«Совнархозная» модель горно-промышленного освоения характеризуется следующими чертами: широкие хозяйственные полномочия и подчиненность партийно-государственным органам региона; интеграль-

ный характер хозяйственной деятельности; ограниченные ассигнования государства на добычу металлов с закрытием (консервацией) объектов с высокой себестоимостью; использование труда вольнонаемных работников и экономические меры интенсификации труда; соблюдение технических проектов отработки месторождений полезных ископаемых; последовательный курс на снижение производственного травматизма и профессиональных заболеваний; комплексное и быстрое внедрение новой техники и технологий; успешное развитие старательской золотодобычи; негативные экологические последствия промышленной деятельности; масштабное жилищное строительство и создание более комфортных условий жизнедеятельности для населения. Сильными сторонами «совнархозной» модели являются: ритмичная работа всех отраслей хозяйства; контроль государства над добываемыми металлами; коллегиальное и достаточно демократичное обсуждение производственных проблем; восприимчивость к новейшим достижениям науки и техники; востребованность творческого потенциала работников; материальная заинтересованность в повышении производительности труда. Слабые стороны этой модели – сохранение моноотраслевого перекоса в народно-хозяйственном комплексе региона; большая текучесть кадров; дисбаланс демографической структуры населения.

Обе модели – и «дальстроевская» и «совнархозная» – объективно были направлены на индустриальное развитие региона в общем контексте процесса модернизации общественного развития и в целом успешно решали главную задачу – максимально возможное извлечение золота. «Совнархозная» модель продемонстрировала возможность реализации государственных задач без репрессий и широкомасштабного использования труда заключенных. Однако сложившийся моноотраслевой перекоп в экономике Северо-Востока, основанный на исключительном приоритете развития золотодобывающей промышленности, не был скорректирован, что впоследствии, в 1990-е гг., привело к тяжелым социально-экономическим последствиям для региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009.
2. Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан, 2002.
3. Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива, прогноз). Магадан, 1996.
4. Метя В.И., Диденко В.В. Жертвы Колымы. Магадан, 2000.
5. Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан, 2004.
6. Государственный архив Магаданской области (ГАМО).
7. Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО).
8. Зеляк В.Г. Золотодобывающая промышленность Дальстроя и Магаданского совнархоза: сравнительно-исторический анализ // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2007. Вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2010 г.